

Галина Вишневская — героиня оперы Марселя Ландовски «Галина»

Галина Вишневская.

17 марта в Лионской Опере состоялось событие особой важности: прошла премьера оперы «Галина», посвященной судьбе великой русской певицы Галины Вишневской. Музыку и либретто (на основании книги Г.Вишневской) написал знаменитый французский композитор Марсель Ландовски.

В переполненном зале Лионской Оперы среди публики из разных европейских стран на премьере присутствовали Г.Вишневская и М.Ростропович, посол России во Франции Юрий Рыжов с супругой, мэр Петербурга Анатолий Собчак, министр культуры Франции Филипп Дусто-Блази, мэр Лиона Раймон Барр, многочисленные французские и зарубежные музыкальные критики и журналисты.

После пяти спектаклей, которые имели у публики огромный успех и редкую по доброжелательности, весьма лестную критику в прессе, «Галина» через сезон вновь появится на сцене сначала Лионской, а затем и Парижской Оперы.

Сегодня мы публикуем интервью нашего корреспондента до и после премьеры в Лионе.

— Галина Павловна, как возникла идея оперы «Галина»?

— Когда Марсель Ландовски пришел и сказал, что хочет написать оперу по моей книге, я приняла это не очень серьезно. Однако Ландовски — очень серьезный человек, я его знаю много лет. Я думала, что он будет писать оперу долго, что это вопрос будущего, но довольно скоро он принес либретто, которое мне, надо признаться, очень понравилось. Потом Марсель начал мне приносить отдельные музыкальные фрагменты и играть их. Я видела, как продвигается его работа, а в конце, когда он ее закончил, он принес мне клавиш. И тем не менее, пока я не приехала в Лион на репетиции, я это не принимала близко к сердцу, как будто опера написана не про меня, а про кого-то другого.

Три недели тому назад, когда я первый раз вошла в зал, шла репетиция последней сцены — певица прощалась с театром. Морально, психологически я была к этому совершенно не готова, а

поэтому, когда я услышала мои слова, музыку, голос певицы на сцене Большого театра, я чуть не потеряла сознание. Это был невероятный шок. Я закрыла себе рот, чтобы не закричать, но не могла и кричать, потому что просто потеряла голос. У меня было ощущение, будто я умерла и из другого мира смотрю на свою жизнь. Это было одно из самых сильных переживаний в моей жизни. Сейчас я хорошо знаю весь спектакль, уже много раз видела на репетициях. Тем не менее он меня глубоко волнует.

— Провокационный вопрос: допустим, в начале вашей жизни вам рассказали бы судьбу Галины Вишневской. Согласились бы вы прожить такую жизнь?

— Судьба есть судьба. Какой она предначертана, такой и будет. Жди, что случится, — вот и все. Жить надо с тем, что тебе предназначено в жизни. И надо выжить, сохранить человеческое достоинство в любой, пусть даже тяжелой ситуации. Надо жить и главное — соответствовать.

— Что значит для вас постановка оперы «Галина»? Удалось ли в ней представить вашу жизнь и творческую карьеру?

— Это огромное событие в моей жизни и огромное переживание. Я совершенно не ожидала, что так восприму оперу, когда ее увижу. Когда я писала свою книгу, то хотела рассказать людям на Западе, что случилось именно с нашей семьей и почему это могло случить-

ся только в нашей стране. Подобное больше нигде не могло произойти.

О своей личной карьере я писала довольно скупо, главным образом о жизни и общей ситуации в стране и вокруг театра.

Именно так Ландовски и составил либретто, а ведь ему нужно было уместить в один вечер огромный период моей жизни — от детства до отъезда из страны, то есть почти полвека. Книга очень объемная, в ней много разных ситуаций. В опере, конечно, нельзя было осветить все. И все-таки в ней взято главное — это моя жизнь в этой стране, мои встречи с людьми, замечательными и плохими тоже. Я счастлива, что Ландовски написал эту оперу. Для меня это очень большая честь.

— Представлен ли в «Галине» Мстислав Ростропович?

— Да, он обозначен очень интересно. Это замечательная идея Ландовски. Визуально Ростропович не существует, он присутствует только в звуках виолончели. Диалоги певицы с мелодиями виолончели сделаны очень элегантно. Такое, по-моему, могут придумать только французы. Если бы на сцене появился поющий персонаж, это было бы гораздо более банально.

— А как вы оцениваете музыку спектакля?

— Она очень сильная и в то же время невероятно красивая, что для оперы чрезвычайно важно. Это важно как для певцов, так и для публики, которая приходит в театр, чтобы увидеть спектакль и услышать красивую музыку, а не набор каких-то отдельных звуков, фраз и речитативов.

Партитура Ландовски очень органична. Это замечательная музыка. А ведь Марселю уже 80 лет. Но как эмоционально он все принял, как ярко представил в своей опере!

Позавчера была предгенеральная репетиция. Когда она закончилась, дирижер — известный американский музыкант Джон Нельсон — попросил меня и Марселя подойти к оркестровой яме. Он представил нас оркестру и хотел поблагодарить композитора, но от волнения не мог говорить, спазмы сжимали горло. А Ландовски не мог ответить, потому что он просто зарыдал. Я стояла рядом с ним, зажав рот платком, чтобы не заплакать.

— Насколько удачно, как вам ка-

жется, найдены сценические формы оперы?

— Этот спектакль театр делал с искренней любовью и огромной отдачей. Главное, что все этого очень хотели. В нем много интересных находок и несомненных удач. Например, в качестве заставки к ряду картин появляется гигантское красное знамя, по которому идут кинокадры с прекрасно подобранной хроникой. Все это придумал режиссер-постановщик Александр Тарта, который хорошо известен своими работами на

Мстислав Ростропович.

телевидении. Он создал большие, убедительные картины коллективизации, блокады Ленинграда, похорон Сталина.

Вообще сделать такой огромный, сложный спектакль и сразу найти совершенные сценические формы — безумно трудно. Конечно же, еще появятся какие-то новые идеи и, наверно, будут изменения, чтобы более скульптурно выстроить спектакль. Но сценически опера уже родилась, и теперь, словно ребенок, она будет расти и мужать, приобретать какие-то новые качества и полнее раскрываться.

В наше время это особенно ценно, ведь сейчас так мало живых современных опер. Постановщики ищут сюжеты, чтобы сочинить оперу, вытаскивают непонятно откуда что-то очень странное. Ландовски создал оперу о реальной жизни. Он ее писал четыре года. Это огромный труд. Он все делал сам — и либретто, и музыку. Со мной же только советовался. В либретто я совершенно не вмешивалась.

— А сколько времени вы писали свою книгу?

— Тоже четыре года. Он четыре года, и я четыре — интересное совпадение.

— Три недели вы присутствовали на репетициях «Галины». В чем вы смогли помочь постановщикам?

— Естественно, в каких-то деталях. Здесь жизнь России во многом непонятна. Поэтому я поправляла детали, советовала, что делать. С певицей я не так уж много конкретно работала, больше просто разговаривала. Объясняла ей какие-то вещи.

Гвинн Джейер — очень профессиональная и очень глубокая актриса. Она не только слушала и принимала то, что я ей говорила, главное, что она это все делала на сцене. Ведь это же совершенно редчайшее качество для актрисы.

При этом репетиционные сроки были безумно короткими для постановки абсолютно новой оперы. Никто не знал, что это такое и как все надо делать. Спектакль был поставлен за полтора месяца.

— Я обратил внимание на костюмы персонажей. Они поражают точностью соответствия эпохе. Платья для «Галины» были сделаны по вашим воспоминаниям?

— Я объясняла, какими они должны быть, то есть очень простыми, бытовыми, без всякой помпы.

— А шаль с алыми цветами в последней картине, когда певица, покидая Большой, оставляет ее на одиноком стуле? Она ваша?

— Нет, не моя, но идея моя. Шаль — это символ. Положить, оставить ее, как цветы.

— А как вы нашли такую прекрасную певицу для главной партии?

— Два года тому назад художественный руководитель Лионской Оперы Жан-Пьер Бросман предложил мне по-

ехать в Женеву, где в опере Сметаны «Проданная невеста» партию Марженки пела американская певица Гвинн Джейер. Мы поехали вчетвером — я, Ландовски, Тарта и Бросман. Певица нам понравилась, и мы пригласили ее на главную роль.

Гвинн — великолепная актриса. Она умная и глубокая. У нее большой голос. Она красива и выглядит прекрасно. Она мне очень нравится. Должна сказать, что я также очень рада, что в спектакле участвуют замечательные французские артисты Жан-Филипп Лафон и Жан-Мари Фремо. Да у нас все артисты хорошие, и, конечно, нам повезло с дирижером. Джон Нельсон — изумительный музыкант. А Александр Тарта, наш режиссер, проделал гигантскую работу, чтобы абсолютно новая опера обрела сценическую форму. Это безумно трудно, но я надеюсь, что у нас получилось.

Поистине сумасшедшая идея пришла в голову Ландовски, но он ее осуществил, и как интересно, глубоко и серьезно. И Лионская Оперя все так масштабно поставила.

Безусловно, это огромное событие в моей жизни. Послезавтра на премьеру придет Слава и наша дочь Лена с двумя старшими внуками. Они увидят оперу впервые. Даст Бог, премьера состоится.

— Можно ли надеяться, что «Галину» увидят и в России?

— А почему же нет? Подстрочник клавира мне уже перевели с французского языка на русский. Теперь я его должна передать хорошему концертмейстеру, и оперу в России, конечно, должны поставить. Она будет особенно интересна для русской публики.

А этот разговор состоялся уже после премьеры, после долгих оваций и бесчисленных вызовов на сцену. Теперь свои впечатления высказывает Мстислав Ростропович.

— Мне очень трудно говорить. Это все-таки спектакль о моей жене, о нашей жизни.

Прежде всего я хочу заметить, что Марсель Ландовски сделал в опере труднейшие вещи, потому что он сочетал цитаты из Баха и Пуччини, Верди и Шумана со своей музыкой. Это выстроено замечательно, очень тактично, с редким мастерством. А в плане сценическом — я просто не ожидал, что можно все это поставить на таком высоком уровне. В спектакле есть интересные находки. Например, сильное впечатление производит красное знамя с кинохроникой, которое служит заставкой между картинками; оригинально решена сцена на даче с Солженицыным и Вишневской. Многие

прекрасно продумано и осуществлено.

«Галина» — это опера ни французская, ни русская. Это особый жанр — опера с кинематографическими эффектами. Сейчас нужно искать новые формы. Я уверен, что их найдут. Классика останется классикой, все гениальные оперы будут продолжать жить. Но на сегодняшний день так же сочинять и так же ставить — невозможно. У нас уже есть последние шедевры XX века, которые останутся навсегда, например, «Жизнь с Идиотом» и «Джезуальдо» Альфреда Шнитке, «Лолита» Родиона Щедрина. Это блестящие произведения. Как и опера «Галина», они сделаны по-новому.

«Галина» построена очень интересно, как хроника жизни. Она не имеет законченного драматургического сюжета. Это собрание эпизодов, которые проходят сквозь жизнь. Причем через жизнь Вишневской показана, в общем, жизнь страны. Вот это важно! И не потому, что там Вишневская или Солженицын. Важно, потому что люди будут знать и должны знать, что существовал строй (я надеюсь, я молю Бога, чтобы он никогда не вернулся), где абстрактная идеология была ведущей. Идеология марксизма-ленинизма подчинила себе людей, искусство и сделала из страны духовную тюрьму. Важно, что теперь это останется и в опере, в таком серьезном музыкальном жанре, и через оперу люди это узнают и поймут.

Я глубоко тронут этой постановкой. Я от души радуюсь за Галину и счастлив за нее.

Интервью взял
ВИКТОР ИГНАТОВ

Лион-Париж

Фото автора.